

Мирозвуков Василий Романович
 1880 г.р., с. Батурлиновка Воронежской губернии,
 проживал в г. Томске по ул. Войлочная Заимка 8-4,
 учитель пения школы № 23. Арестован в 1937 г.
 Расстрелян.

(Боль людская, т. II, книга памяти томичей,
 репрессированных в 30-40-е годы).

Передо мной на столе фотография моего деда Василия Романовича Литвинова-Мирозвукова. Красивое, типично русское лицо... В нем глубина и свет. Удивительный взгляд: смиренно - мудрый. Во всем облике мощь и пронзительность... словом, высокий дух.

Сегодня, 9 февраля, в день новомучеников российских, в храме Божьем, я ставлю свечу за упокой его души и говорю о нем, пытаюсь оживить его образ, допеть мелодию отца Василия, священника, регента церковного хора, приговоренного тройкой УНКВД 16 сентября 1937 года к расстрелу, который и был приведен в исполнение 25 сентября того же года в Томске.

Узнала я об этом совсем недавно, после официальной реабилитации. Скрывали по вполне понятным причинам. А моя бабушка, Елена Николаевна Литвинова, узнала об аресте мужа, когда лежала в тяжелом состоянии в больнице, о гибели так и не узнала, но умерли они (позже дети сопоставили даты) почти одновременно, с разницей в два дня. Видно, душа деда позвала ее...

Хочу допеть мелодию отца Василия... Я стою у Каштачного «страшного» рва, где и был расстрелян мой дед вместе со многими новомучениками российскими (назовем хотя бы несколько имен - олонецкий певец Николай Ключев, иеромонах Николай (князь Ширинский - Шихматов, епископ Серафим Шамшин...) и в диком ветре осеннем, будто слышу и его голос...

Не есть ли одна из задач человека - на каком-то этапе жизни прийти к пониманию того, насколько важно знать свои корни, помнить, что он, человек - продолжение, связующее звено в цепи времен. Читаю «Автобиографические заметки» деда из семейного архива и странное чувство не оставляет меня: в мелодии слов, в несколько

сентиментальном - по-хорошему - их тоне, вижу какое-то родство с собой. Это где - то уже на подсознательном уровне.

В каждой жизни есть своя высота, своя мечта. Такой мечтой, как я поняла из «Автобиографии», для деда была - Музыка. Не случайно позже он возьмет себе такой благозвучный псевдоним - Мирозвуков.

Потому мне все вспоминается строчка Мандельштама, разделившего венец мученичества с другими погибшими в те годы: « Но видит Бог, есть музыка над нами...» Да, музыка определила жизнь и судьбу моего деда. Была в его жизни какая-то особая трагическая мелодия, которую я и пытаюсь расслышать...

Каковы же истоки этой мелодии? Родился дед 10 апреля 1880 года в слободе Бутурлиновка Воронежской губернии. Родители его по происхождению малороссы, крестьяне слободы Бутурлиновка Роман и Ксения Литвиновы. Ксения Марковна была глубоко верующая и вдохнула в сына любовь к православию. Отец Василия умер, когда сыну было всего шесть лет. Таинство святого крещения и миропомазания, как

пишет дед, было совершено 11 апреля 1880 года настоятелем Преображенской церкви священником Симеоном Чернышовым. День ангела своего - Василия-исповедника - епископа Парийского, дед отмечал 12 апреля. И детей своих называл строго по святцам.

После смерти отца Василий остался жить со своей матерью у бабушки (по матери) Анны Марковны Ревинной, родом из Санкт-Петербурга. Бабушка более всего заботилась о том, чтобы научить внука грамоте, вывести его в люди. Девяти лет он поступил в начальное Бутурлиновское народное училище, которое закончил с похвальным листом.

Но еще с семилетнего возраста он чувствовал сильное влечение к пению. Услышанное в первый раз церковное пение в храме Преображения Господня поразило его.

Яркая музыкальная одаренность, непреодолимое желание петь в хоре привело к тому, что он был взят в число церковных певчих в качестве дисканта. Призвание к пению имел, как он пишет, « очень сильное», научился читать ноты в один год, и сделался вожаком дискантовой партии и даже солистом на вторых дискантах.

Дальнейшая жизнь его сложилась так, что в ней огромную роль сыграл регент хора Преображенской церкви Николай Евстратьевич Бирюков, который посоветовал Васе ехать в Воронеж и поступать в Учительскую семинарию хотя бы лишь для того, чтобы попасть в город и устроиться в случае выхода из семинарии в каком-либо хоре.

Как раз в тот год от Бутурлиновки была проведена железная дорога, по которой Василий и отправился в новую жизнь. Да, долго он не решался на этот шаг, не чувствуя себя вполне готовым, хотя надеялся выдержать приемный экзамен и поступить. Писал Василий грамотно и это особенно ценилось в Воронежской семинарии. Преподаватель русского и древнеславянского языков был Михаил Обыденный, человек в высшей степени интеллигентный и образованный. Он любил своего ученика Василия Литвинова.

Пел дед и в самой знаменитой по России хоровой капелле Агренева - Славянского, правда в тот период ее существования, когда руководила капеллой дочь Агренева - Славянского. Василию Романовичу удалось вместе с капеллой попутешествовать по многим городам России и Европы. В семейном архиве хранится альбом открыток с видами городов, где бывал Василий Романович.

Большую роль в судьбе деда сыграл известный духовный композитор Александр Дмитриевич Кастальский, регент синодального хора, автор более сорока духовно-музыкальных произведений. Он был руководителем регентских курсов в Москве, где позже учился Василий Литвинов. Учеба в Москве была, пожалуй, одним из самых важных этапов в его жизни.

Окончив курсы, Василий Романович в 1906 году приехал в Томск и принял руководство хором Архиерейской Крестной церкви, где ныне расположен Органный зал. Первые годы служения о. Василия в Томске проходили при известном иерархе Русской Церкви архиепископе Томском Макарии Невском (1891-1912), затем митрополите Московском и почетном митрополите Алтайском, чьи нетленные мощи покоятся ныне в соборе Успения Пресвятой Богородицы Троице-Сергиевой Лавры.

Известно, что Василий Романович управлял соединенным хором нескольких томских церквей на концертах в общественном Собрании.

Я перелистываю ноты деда - какой тонкий, изящный, почти каллиграфический почерк! А вот учебник по геометрии, который он переписывал от руки...

В 1906 году Василий Романович женился на Елене Николаевне Воробьевой, внучке священника Фирса Евдокимовича Ломовицкого. Она, по окончании епархиального женского училища, стала учительницей в Томске. Здесь они начали совместный путь по жизни. Семья росла. Из девяти рожденных детей выжили пятеро. Три дочери живы сейчас. Они мне рассказывали, каким добрым, спокойным, ответственным, справедливым человеком был их отец. Хороший семьянин, нежно любящий детей, человек тонкий, он не переносил грубости, хамства. Мама мне говорила, что он приходил домой сильно расстроенный, если слышал на улице сквернословие.

В Санкт-Петербурге живет сейчас старенькая тетя Маша, жена рано ушедшего из жизни сына Василия Романовича- Виктора Литвинова, унаследовавшего от отца музыкальные способности. Мне было пять лет и я хорошо помню Виктора Васильевича: высокого, спокойного, уже неизлечимо больного. Помню его первый урок музыки, данный мне, огромных синих стрекоз на железных прутьях его могильной оградки. Единственному сыну дед уделял много внимания - учил, растил свое продолжение. Виктор Васильевич закончил в Томске музыкальное училище, в Ленинграде консерваторию, позже работал там концертмейстером. Виктор Васильевич любил ходить по улице Рылеева (жил он на Восстания со своей женой Марией Михайловой, детей у них не было) к Спасо-Преображенскому собору, чтобы, как и его отец когда-то, слушать церковный хор, молиться... В доме Марии Михайловны в Петербурге сохранились духовные сочинения Василия Романовича.

А недавно я нашла в Томске, в семейном архиве, сборник нот, переписанных дедом

и среди них романс его собственного сочинения на стихи Лермонтова «Узник»:

*Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня...*

Не случайно, конечно, его обращение к лирике Лермонтова, выбор стихотворения, где душа поэта скорбит о божественном, идеальном...

Я хочу прикоснуться к какой-то внутренней драме отца Василия, который в 1906 году был рукоположен в сан священника, служил - сначала в селе Угловском Змеиногорского уезда, потом в г. Камне-на-Оби, там было две церкви, и моя мать помнит, как дед шел из церкви в священническом облачении, одухотворенный, полный жизненных сил, таким он предстает на фотографии.

А пройдет еще несколько лет - и не снимке 1930 года совершенно другой человек - утомленный, истощенное лицо, вид человека, отягощенного заботой, нуждой. Вырастали дети - им нужно было дать хорошее воспитание, образование - приходилось много работать. Семья тогда переехала в Томск. Здесь Василий Романович уже работал учителем. Руководил хоровым кружком в индустриальном институте. Помнит мать, как он ставил «Бориса Годунова», оперу. На оборотной стороне фотографии 1930 года дарственная надпись - для близких. Дата -12 апреля 1930 года. 50 лет от роду. А через семь лет деда не стало...

Оборвалась мелодия. А у меня осталось ощущение неоконченности этой мелодии, которая звучит сейчас где-то в горних высотах...

С детства я запомнила рассказ мамы - видимо, одно из первых ее воспоминаний. Маленькая девочка (лет 4 - 6) пела песенку: «Девочка Надя, чего тебе надо? Ничего не надо, кроме шоколада...» А голос у мамы низковатый. Отец сидел спиной к дочери за пианино и сказал: «Выше, Ниночка!» Девочка полезла на стул и пропела то же самое, на что последовало: «Выше, Ниночка!» Она влезла на стол,

потом на печь и продолжала петь. «Выше, Ниночка!» Девочка влезла на полати, вытянулась во весь рост, уперлась головой в потолок и говорит: « Папа, куда же выше? Выше некуда!» Он обернулся и увидел дочь. Конечно, это его очень развеселило, часто вспоминал потом этот эпизод...

У моей мамы всегда было горячее желание научить детей и внуков музыке. Меня учили с 6 лет, начинала я у домашнего учителя, потом училась в музыкальной школе. Хотела я поступить в музучилище, но склонность к литературе победила. А музыка стала стихами.

*И ветер с неистовой силою
Срывает осенние листья
Допеть мелодию отца Василия
Среди забытых имен и истин.*

И вновь стою у края заснеженного Каштачного рва и слышу слова моего деда: «Выше, Ниночка, выше...» И светлое окрыляющее чувство радости, сознание вечности нашей жизни, надстоящей над смертью, пронизывает душу, звучит неумирающей мелодией.

Ирина Киселева